

A surreal illustration of two women in long, flowing green dresses with gold lace trim, reaching their hands towards a massive, detailed full moon. They are barefoot and appear to be dancing or floating in a dark, mountainous landscape under a starry night sky. The moon is the central focus, showing craters and a bright sun or star on its surface.

А. Астраханский

Подруга

А. Астраханский

Подруга

<https://litres.ru/74337902>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жанр романа «Подруга» — философско-мистический реализм. Это роман о любви и дружбе, о вере, а главное — об общепринятых устоях человеческого бытия, которые, как оказываются, не так незыблемы, как кажется большинству людей нашего времени. Главная героиня, Виктория, введенная своей подругой, Ниной Сергеевной, в тайное сообщество, потрясена, узнав, что механизм мироздания устроен совершенно не так, как думают современники. Оказывается, объективная и субъективная реальности, переплетаясь и взаимопроникая в друг друга, мирно сосуществуют на протяжении всего периода рассвета человеческой цивилизации. И то, что человечество воспринимает, как мистическое и сверхъестественное, так же реально, как и весь окружающий людей мир. Стиль А.Астраханского — ясный, точный и одновременно лирически мистический, резонирует с аудиторией 40+. Но неожиданные и увлекательные повороты сюжетной линии произведения будут интересны и более молодым читателям.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	56

А. Астраханский

Подруга

Глава

Подруга

Глава I

— Да, мам, поняла, на центральной проходной...хорошо...знаю...Слушай, я не девочка, мне уже тридцать пять...Что? Нетактично напоминать о твоём возрасте?! Так ты сама напросилась! Всё! Буду вовремя и по форме!...Всё!... Всё, до завтра, давай!

Отбросив трубку на покрывало, Вика шумно вскочила с кровати. Ловко попав ступнями в тапки, запахивая халат, — двинулась на кухню; включив свет и порывшись в холодильнике, на скорую руку организовала себе лёгкий и безвкусный диетический ужин.

В занывшей в области затылка голове роились мысли, вспыхивая колючими огоньками, подобно звёздочкам, зажигающимся в раме окна на темнеющем полотне летнего неба.

«Как досадно! После стольких лет полной независимости оказаться хоть чем-то обязанной маме. Завтра, по маминой

протекции, она выходит к ней на работу. Хорошо хоть, не в её отдел... Нет, ну она же не просит и не берёт у неё деньги. Ещё чего не хватало! Никогда себе этого не позволит! И всё же... есть в этом что-то унижительное. Так. Всё. Не надо об этом думать. Не надо, и всё».

Перекочевав из кухни в комнату, Вика поставила на журнальный столик поднос с грушевидным стаканчиком армудом и френч-прессом, убрала верхний свет и зажгла торшер. Включив негромко любимую Аструд Жильберто, — завернулась в плед и устроилась полулёжа в любимом просторном кресле.

Отпивая маленькими глоточками терпкий горячий чай, Вика, под мурлыканье певицы и хрипотцу саксофона, попыталась расслабиться и обрести душевное равновесие. Однако, растревоженные мириады нейронов, возбуждая друг друга импульсами тончайших нервных окончаний, принялись разматывать эфемерные, но бережно хранимые, плёночки воспоминаний. На экране памяти засветились полуразмытые кадры.

Родительская квартира. Её комната. Обои с розовыми и голубыми шариками. Занавески с весёлыми утятами. Куклы на тумбочке: Настя, Полина. Любимая кукла Маша. Плюшевый слон Тимка. У кровати — круглый торшер из нежно-бежевого пластика, изготовленный папой собственноручно, дающий необыкновенно мягкий и тёплый свет, Письменный стол. На спинке стула — наглаженная школьная форма;

коричневое платье и белый передник.

Отношения с матерью разладились, когда она перешла в девятый класс. Ворвавшиеся в её, до этого простую детскую жизнь, варёные джинсы, косметика, сигареты, вино, и, конечно же, мальчики, почему-то раздражили ничего не понимающую во всём этом маму. А привод в милицию — её, вместе с подружками-одноклассницами, Владкой и Алиной, угораздило распить бутылку сухого вина прямо под окнами кабинета директрисы — и последующий нагоняй на комсомольском собрании вылились в домашний скандал с криками, слезами и стенаниями. Дальше — пошло-поехало.

Вот папка — молодец; относился к её пристрастиям и выходкам философски, мол, кто в юности не бузил и не кайфовал, — перебесится; тайком подкидывал денжат на шмотки и развлечения и даже слушал с ней на пару, пытаясь воткнуться, чумовые импортные винилы, купленные из-под полы у комиссионки. Жаль, что он быстро умер от алкоголя, не приспособившись к новым реалиям после развала Союза.

Коммунистический колосс развалился на полтора десятка черепков, когда она училась в десятом. Произошло это настолько обыденно и незаметно, что большинство граждан уже не существующей страны не сразу это и поняли. В новостях по телику сообщили, что в Беловежской Пуще подписали какой-то договор, и теперь СССР называется СНГ. — И что? Ей, беспечной школьнице, далёкой от житейских забот и передраг, стояния в бесконечных очередях за продук-

тами и всяким там дефицитом, смена аббревиатуры была по барабану.

Она вспомнила школьные экзамены. Билеты; горящие от волнения щёки, испарина на лбах; синие корочки аттестатов...

Выпускной. Девочки в красивых платьях. Мальчики, в парах и тройках. Такие неожиданно взрослые: дискотека, шампанское, портвейн, поцелуи...

Она поступила в Московский авиационный институт: МАИ. Мало того, умудрилась выбрать факультет ракетостроения. Ха-ха-ха! По прошествии стольких лет, очень смешно! Где она, и где ракетостроение?

Зачем поступала? — Тогда так вопрос не стоял. Все в ВУЗы стремились. А она что, лысая?

Почему именно в МАИ? — Потому что институт недалеко. Пять остановок на автобусе и две — на метро.

Началась, ещё более бурная, студенческая жизнь. Затихшие на время выпускных и вступительных экзаменов разборки с мамой, возобновились с новой силой. В ушах до сих пор стоит гвалт их постоянных перебранок:

«Ма! Я уже взрослая и могу приходить домой, во сколько захочу или вообще ночевать у Владки.

Я тебе дам, взрослая! Я тебе дам Владку! Чтобы в одиннадцать, как штык, была дома! Пока из рук в руки мужу не передам, я с тебя не слезу! Даже не надейся!»

В конце первого курса она познакомилась с Лёшей. Смаз-

ливый, гривастый третьекурсни́к из Бреста, каким-то непонятным образом отхапавший себе отдельную комнату в общежитии, сразил её отпадным прикидом: фирменными левайсами цвета неба в американских фильмах и чёрной кожаной косухой с черепом из блестящих клёпок. А когда обаятельный, как Майкл Джексон и Виктор Цой вместе взятые, стилиста, бренча на гитаре, выдал на английском пару хитов Роллингов, она поняла, что втрескалась по самые уши. В первый же день знакомства они переспали. Прикол! Он, наверное, с неделю после этого ютился на провалившемся матрасе общежитийской койки!

Она не верила своему счастью. На протяжении многих дней после случившегося, выходя утром из душа, вытирала запотевшее зеркало и тщательно рассматривала своё отражение:

И что нашёл в ней её златокудрый Аполлон? Не красавица же. Хотя...

Рост? — В старших классах цаплей дразнили. Да и сейчас, на групповых фото, чтобы не выделяться, приходится колени подгибать.

Ноги? — Какие джинсы не примерь, все короткие.

Бёдра? — Узкие. Ну, живот, талия, попа — тут всё в порядке.

Грудь? — Девчонки утверждали, что парням нравится большая; размер третий-четвёртый. У неё всего лишь первый.

Волосы? — Это да! Её гордость! С детства растит.

Лицо? — Лицо, как лицо.

А потом, как обухом по голове — лето! Зелёное, звонкое, жаркое. Самое яркое, беззаботное и безбашенное лето в её жизни! Как в калейдоскопе крутились, складываясь развесёлые цветные картинки, скверы, парки, фонтаны, пляжи, чьи-то квартиры, дачки, компании. И везде — дружеские улыбки, смех, приколы с фенечками. Клёвая музыка, танцы, вино. Поцелуй и поцелуйчики. И, конечно же, много-много неустанно за ними следующего.

В августе, с очередным скандалом, она выпросила-таки у мамы разрешение съездить с Владкой и Алиной в Сочи. Пока папка заносил в плацкартный вагон их чемоданчики, маман, грозя указательным пальчиком, давала делающим серьёзные лица курортницам последние наставления, касающиеся межполовых отношений.

На выходе из белокаменного, похожего на сказочный дворец, сочинского вокзала их встречал Лёша, почти не видный за пышной охапкой огромных алых роз. Пройдя по залитой солнцем площади, обрамлённой развесистыми пальмами и цветущими олеандрами, они загрузились в блестящую хромом бежевую «Волгу»; ещё ту, старую; кондовую. Идеально намытая; ни одного скола, ни одного пятнышка ржавчины на кузове — машина выглядела так, будто вчера сошла с заводского конвейера. Она, как сейчас помнит — водитель-грузин в гигантской кепке-аэродроме, прозрачно-голубая панель спидометра. Шикарный; пухлотелый, кожаный,

прохладный, — передний диван вместо обычных кресел. И какая-то незатейливая песенка про любовь из старого советского кинофильма, льющаяся из автомобильного радиоприёмника.

Приехав несколькими днями раньше, Лёша снял на окраине, в районе Адлера, две комнатки в высоком, похожем на скворечник, домике: одну для подружек, другую — для них.

В окошко настырно лезли восковые листья магнолий. Жирные сгорбленные инжиры протягивали прямо в руки зеленовато-фиолетовые плоды. Если взобраться на подоконник и встать на цыпочки, — можно было увидеть море!

Не смотря на щель между двумя, сдвинутыми вместе, кроватями, в которую она каждую ночь проваливалась, тонкие, пропускающие любой звук, стены, удобства во дворе и битком забитые пляжи, три недели отдыха слились в непрерывную солнечную феерию.

В сентябре ей исполнилось восемнадцать. А в октябре она вышла замуж. Всё, как у всех. Талоны на обручальные кольца, талоны на водку. Салон для новобрачных, шуршащее белое платье, ЗАГС. Смотровая площадка на Воробёвых горах. Столовая папкиного НИИ, украшенная разноцветными шариками. Бестолковый тамада, танец молодых. Бесконечные — Горько!». Русские народные и, на закуску, конечно же, драка. К счастью, всё закончилось лишь парой разбитых носов; даже милицию не вызывали.

Уложив в тот же курортный чемоданчик стопки винилов,

учебников и белья, пару обуви, курточку и, поверх, куклу Машу, она, сделав предкам ручкой: «Чао!» — отвалила к мужу в общагу.

Быстро сориентировавшись в стремительно зарождающихся капиталистических отношениях, Лёша сразу «врубился в тему» и стал делать бизнес. Сначала это были «Марсы» и «Сникерсы», которые он покупал на какой-то базе оптом и продавал в розницу у центрального Детского Мира. Шоколадки разлетались на ура.

Через пару месяцев у Алексея появился свой ларёк у метро «Войковская». Дело закрутилось по-серьёзному: алкоголь, сигареты, валюта, ваучеры, постоянные стрелки и тёрки с рэкетирами, быстро набиравшими силу и подминавшими под себя новоиспечённых коммерсантов. В институте он появляться перестал, через посредников, оптом и в розницу, скупая зачёты и экзамены у старпёров-преподов, пребывавших в ужасе и прострации от бешеной инфляции и полного развала, казавшихся незыблемыми, устоев.

Она продолжала ходить на пары; вернувшись, писала рефераты за хлипким, шатающимся столиком общаговской комнатухи. А вечером, сварив на засаленной электроплитке макароны-завитушки и нажарив ножек Буша, — ждала любимого мужа.

Зимой он подтянул к бизнесу и её, заявив, что учёба сейчас, — совершенно бесполезное занятие и что купит ей столько красных дипломов, сколько она пожелает.

Она принимала товар; на задках институтских общих тетрадей на 96 листов, в столбик, вела учёт и сводила балансы с поставщиками; на руках пересчитывала бесконечные пачки наличных, пахших свежей типографской краской и восхитительными надеждами на будущее.

Бизнес мужа развивался стремительно. Обосновавшись на территории ВДНХ, перешедшей в те годы в распоряжение бандитов и коммерсантов, он уже покупал целые фуры с сигаретами, спиртом «Рояль», компьютерами и оргтехникoй, и тут же перепродавал товар более мелкими оптовыми партиями. Дневные выручки стали переваливать за сотню тысяч баксов. Прибыли были фантастические.

Не прошло и двух лет, как они купили двухкомнатную квартиру в сталинском доме на Новопесчанной улице, рядом с метро «Сокол». Никого не спросив, подчистую снесли все внутренние перекрытия и сделали дорогуший евроремонт.

На новоселье она пригласила родителей. Папа, уже сильно на тот момент поддававший, был не совсем в адеквате, и факт, что его дочь въезжает в шикарную отремонтированную квартиру с лепниной и высокими потолками в престижном районе, принял индифферентно. Единственное, что вызвало его неподдельный интерес, — несколько коробок с настоящим армянским коньяком, который мужу подогнали партнёры по бизнесу прямо с ереванского завода. Это был эксклюзив в те времена, когда ядовитый вал палёной водки и другого, непонятно кем произведённого, пойла, обрушился в же-

лудки простодушных граждан, приученных бывшей державой доверять качеству покупаемого алкоголя. Зато она прекрасно помнит, как была поражена и даже несколько раздосадована жизненным успехом своей непутёвой, по её мнению, двадцатилетней пигалицы, мама. Нет, ни единым словом не выдала она обуревающие её чувства. Но она — и откуда это у неё? — уже многое научилась читать по жестам, глазам и мимике лица.

Алексей стал учредителем своего собственного торгового дома. У него появился офис, секретарша, бухгалтер, менеджеры, а так же, соответствующие прибаамбасы: чёрный кабан-Мерседес с личным водителем и два дюжих охранника со сломанными носами. А у Вики — много свободного времени. Для неё должности в фирме супруга не нашлось.

Она сосредоточилась на домашних хлопотах. Крутилась, как белка в колесе, наполняя семейный очаг теплом и уютом: заказывала шторы, покупала посуду, бельё, скатерти, салфетки и прочие милашества; сама убиралась, стирала, гладила; купив деликатесов, училась готовить по кулинарным книгам, стараясь оформить и сервировать каждый завтрак и ужин по высшему разряду.

Однако, несмотря на все её старания, Алексей стал приходить домой всё позже и позже, ссылаясь на огромное количество работы. А потом и вовсе стал позволять себе являться под утро. Обдавая перегаром, — рассказывал, в красках и в лицах, про чрезвычайно важные, затянувшиеся переговоры

с американцами или китайцами; неожиданно назначенную братками стрелку в казино; либо ещё какую-нибудь удивительную и увлекательную историю. Историй было много.

Она верила. Но когда к винным парам прибавился аромат чужого парфюма, между ними произошёл разговор. Он всё отрицал. Она не стала углубляться; сказала только, что этого не потерпит. После нескольких недель затишья он опять вернулся далеко за полночь, волоча за собой ароматный шлейф.

На следующий день она, собрав курортный чемоданчик, съехала к Владке. Муж вызвонил её. Они встретились в кафешке, рядом с метро. Алексей держался уверенно, заявив, что — да, было, с ночной бабочкой и со всеми мерами предосторожности, и что к семейной жизни это не имеет никакого отношения, и что от такого, как он, не уходят, и что она должна понять его, молодого видного мужчину, который не всегда в состоянии сдержать порывы... В этот момент она плеснула в лоснящееся, самодовольное лицо стылой кофейной гущей... Сделала бы она так сейчас? — Да. И никак по-другому.

Узнав о её решении подать на развод, Алексей был, мягко говоря, удивлён. А когда дело дошло до раздела нажитого в браке имущества, и других активов, то оказалось, что ему ничего не принадлежит. Фирма, квартира, машины; всё было записано на его родителей, родственников и доверенных лиц.

Она не предприняла никаких попыток каким-либо обра-

зом исправить эту вопиющую несправедливость. Хотя советчиков было — хоть отбавляй. Просто ушла.

Возвращаться к родителям она не собиралась. Тем более что папка уже кочегарил по-чёрному. Выручила школьная подруга, Алина, пригласив на первых порах пожить в квартире, которую они снимали с Виталиком, её молодым человеком. Виталик мотался за кожаными куртками и свитерами в Турцию. Алина сбывала товар на рынке в Лужниках.

Надо было чем-то жить, и она встала за прилавок, на подхвате у подруги. Покрутившись; поторговав и подзаработав, — она, — пора и честь знать — арендовала комнатку неподалёку от Лужи у одинокой ворчливой бабуленции и сама стала летать в Стамбул за шмотками. У неё получилось; всё больше точек торговали её товаром. Виталик с Алиной, ставшие к тому времени мужем и женой, видя такие успехи, предложили ей войти в долю и вести дело втроём.

Через несколько лет они переключилась на Италию. Стали возить более дорогую, по сравнению с турецкой, одежду сегмента прэт-а-порте. За большие деньги компаньоны выкупили право аренды двух павильонов на крытом рынке «ЦСКА». В стремительно богатеющей и всё ещё не насыщенной товарами Москве павильоны в то время выполняли функции бутиков, помогая стильно, дорого-богато, одеться новоиспечённым бизнесменам, бандитам, коррумпированным чиновникам, а так же их жёнам и многочисленным любовницам.

В неустанных трудах и заботах годы летели чередой. И вот, бинго! Она купила свою, собственную квартиру! Из окон небольшой уютной однушки в Сокольниках; (кирпичный дом! четвёртый, еврейский этаж! кухня — восемь! — открывался прекрасный вид на парк.

А ещё через некоторое время, — вааще круть! — она стала автовладелицей. К почти новой иномарке ей достался, в довесок, автомеханик Гагик; смешной, никогда не унывающий, активно лысеющий балабол с оттопыренными ушами, в вечно перепачканном машинном маслом комбинезоне и неизменной сигареткой в зубах.

Папа умер. Бывшего мужа застрелили бандиты. Возможно, те самые весёлые разухабистые парни, покупающие в их павильонах премиальные пиджачные пары, белоснежные кофоновые рубашки и остроносые лакированные ботинки. Мама всё это время так и продолжала работать в Министерстве путей сообщения, куда попала по распределению сразу после окончания института.

Мужчины... мужчины, конечно же, были; всякие разные. Некоторые из них даже задерживались у неё в Сокольниках; но ненадолго. Инфантилизм, отсутствие элементарных навыков общежития, заключающихся в неумении держать молоток и отвёртку, пользоваться туалетным ёршиком и нежелании закручивать открученные колпачки на тюбиках зубной пасты, неизменно приводили к их тихому, а иногда и не очень, исчезновению.

И вот, наконец, прошлой весной она встретила его; единственного и неповторимого. Того, с кем бы хотела навсегда связать свою жизнь. Но. Она не лелеяла надежд. Безнадёжно женат; трое желтопёрых птенцов-сыновей.

Продажи становились всё хуже и хуже. Выручки падали. Прибыль скатывалась к нулю. Компаньоны из кожи вон лезли, что бы хоть как-то удержаться на плаву: закрыли один павильон, а в оставшемся, уволив всех продавцов, — сами встали за прилавок. Но сама жизнь — неуклонно, неумолимо, — менялась. В городе, как грибы после дождя, вырастали гигантские торговые центры. Одежда, которой они торговали практически эксклюзивно, появилась в десятках магазинов. Какое-то время работали в ноль. Потом пошли убытки. Компаньоны терпели, надеялись. Сейчас она даже не сможет объяснить, на что они надеялись. Чуда не произошло. Волна очередного кризиса накрыла, черпающее носом, судёнышко их примитивного частного бизнеса и разнесла его в щепки о риф очередного валютного скачка.

Кое-как пристроив на реализацию остатки товара, с трудом рассчитавшись с поставщиками, компаньоны закрыли, ставшее тяжёлой обузой, дело. Слава богу, пройдя сквозь огонь и медные трубы, они сумели сохранить дружеские отношения.

С Владкой они на десяток лет потерялись. Но потом нашлись через «Одноклассников». А встретившись с ней, вместе с Алиной, возобновили своё доброе школьное трио.

Она осталась при квартире. Машину пришлось продать.

Следуя привычкам, она многое себе позволяла: курорты, круизы, рестораны, спа, модные вещицы. Деньги, как вода, проскользнули сквозь пальцы. Довольно быстро большая часть накоплений была спущена. Встал суровый житейский вопрос — На что жить? Она призадумалась. Замутить какой-нибудь новый бизнес? — увольте, настрадалась! Что тогда? — менеджером? маникюр-педикюр? уборка? В таксистки, наконец?

Именно в этот момент раздумий и нарисовалась мама с предложением устроить её к себе в Министерство. Правда, название министерство сменило на РЖД: Российские Железные Дороги. Но какая разница; хрен редьки не слаще. Усмехнувшись про себя, она поинтересовалась.

« — И сколько платят?... Сколько?! Ничего себе! Как она отстала от жизни! Вот не думала, что у рядовых сотрудников, пусть даже головного офиса, такая з/п! Плюс шикарный соцпакет, плюс отпуск, как когда-то в Союзе — сорок пять дней!»

Подумав с неделю, она согласилась.

Выскользнув из потока нахлынувших воспоминаний, Вика с большим неудовольствием покинула любимое кресло и проследовала на кухню. Убрав со стола, — загрузила и включила посудомойку.

«Ладно. Расвспоминалась. Надо ложиться. Ей, привыкшей вставать не раньше одиннадцати, за подъём в семь утра

уже медаль надо давать. Да уж. Завтра дадут... По попе мешалкой; офисная клеть, пятидневка, от звонка до звонка, начальство. Никогда в жизни не работала ни под чьим начальством. Как всё сложится?... Ничего. Где наша не пропадала. Прорвёмся!»

На чём, на чём, а на горячей воде Вика не сэкономила. Вдоволь настоявшись под тёплыми ласковыми струями, она, закутавшись в махровое полотенце размером с простыню, пришлёпала к кровати; заведя два будильника, (на всякий случай) нагишом юркнула под одеяло. Ночнушки, пижамы, пеньюары; нет, всё это — не для неё.

Она ворочалась, крутилась веретеном (спина — левый бок — живот — правый бок — спина, и по-новой) и никак не могла уснуть; то полностью скидывала одеяло, то снова набрасывала, то расправляла невесть как перекрутившийся одеяловый жгут. Подушка тоже, явно была не на её стороне; то оседала, то давила на ухо и шею, то норовила, тихой сапой, выползти из-под головы. В очередной раз сделав полный оборот против часовой стрелки и оказавшись на спине, она открывала глаза и смотрела на зыбкое очертание выгнутой лунной косы, просвечивающее сквозь занавески...

В окне посветлело. Время от времени, приподняв голову, страдальца бросала взгляд на часы:

Четыре.

...Пять, с копейками.

...Половина.

—...Около шести.

А она всё ещё ворочалась в липком полузабытье. Прошло ещё сколько-то времени. Понимая, что скоро закончатся её мытарства, Вика с нетерпением предвкушала долгожданный подъём; вот, ещё немного... пару минут...ещё чуть-чуть, и... провалилась в сон.

Длинный, уходящий в никуда, коридор. На полу линолеум. Белые стены. Тусклые потолочные плафоны. Вдоль коридора — двери, двери, двери, двери.

Она берётся за ручку. Залитый солнцем школьный класс. Перемена. Гвалт. Все носятся, истошно орут, скачут, стоят вверх ногами и визжат, как резанные. — Нет-нет, ей не сюда.

Она заходит в следующую дверь. Перед ней, уходящие под потолок магазинные стеллажи, доверху заставленные грудами товаров. В тесных ущельях проходов, — толпа угрюмых, неприветливо косящих на неё людей, толкающих забитые доверху телеги. Злобно скалясь длинными зубьями, зловеще поскрипывая, железные чудовища, сомкнувшись, свиным клином надвигаются на неё, норовя раздавить, либо на худой конец отдавить ноги. — Ай!

Она выбегает в коридор, дёргает за ручку на очередное дверное полотно, и буквально вываливается в лето...Море. Пляж. Яблоку негде упасть. Сисястый жиртрест, причмокивая, дожёвывает чебурек. Отрыгнув, — явственный запах чеснока бьёт ей в нос — тщательно, один за другим, обсасывает пальцы; после чего закуривает удушливо-вонючую па-

пироску. По двойному, красному, с ошмётками отваливающейся кожи, подбородку стекают струйки жира и пота, капая на грязно-серый песок, усеянный окурками. — Фууу! Бегом отсюда!

Следующая... Ну, это вообще, что-то с чем-то! Забитый до отказа, наэлектризованный, мощно гудящий зал наполнен океанами света. На сцене, ослепительно яркий, — силуэт мужчины. Непонятно, это свет делает его таким?... Или свет бьёт из него? Жарко. Жарко! Нестерпимо режет глаза, слепит! — Нет, нет! Здесь невозможно оставаться! Как же достала эта агрессивная среда! Она устала! Она хочет спать!

В раздражении, она рвёт очередную ручку... В комнате — полумрак. Единственный источник света, — выгнутая лунная коса в окне. На подоконнике — очертания округлой вазы с цветами. Сбоку, слева, — плавные изгибы дивана, столик с пузатым чайником. Из носика чайника вьётся парок. Рядом — чашечки с изящными ручками. На диване, вполоборота к ней — абрис женской фигуры. Поднятая рука, жестом, приглашает присоединяться: «Почему бы нет?» — Вика шагает вперёд. Ладонь вытягивается вертикально: «Стоп». — Палец указывает ей за спину. Обернувшись, Вика видит свою оплошность: «Ой, она не закрыла дверь».

Свет, бьющий из коридора, ложится на стену комнаты широкой ядовито-зелёной полосой. На ярком фоне — её чёткая тень: «Ой, извините, сейчас».

Дверное полотно плавно движется к косяку, — ядовитая

полоса на стене становится уже... истончается до ноля... мягкий щелчок.

Вика подходит к дивану. Вдруг из коридора раздаётся громкий дребезжащий звонок.

«Опять двадцать пять! Ну, дайте, наконец, покоя!»

Звонок дребезжит не переставая...

«М-мм, что-то этот звонок напоминает... что-то знакомое... школьный?... нет, другое...

Так это же... это же будильник!»

Глава II

Как хорошо, что она завела второй будильник!

Намыливаясь, Вика оглаживала упругие выпуклости и впадины своего шелковистого и стройного тела. В голове струились и распадались на ручейки, ускользая подобно воде исчезающей в сливе, обрывки предутреннего сновидения.

«Никогда не страдала бессонницей. Какой странный сон... двери. Жуткий магазин, пляж... комната в загадочном полумраке. Да нет, всё объяснимо. Неопределённость. Предстартовый мандраж».

Крепкий душистый кофе окончательно привёл её в чувство. Призрачное облачко сна потускнело, и, рассеявшись в тончайшую пыль, осело на тёмном дне кладовой подсознания.

Действуя согласно маминым инструкциям, Вика постара-

лась привести свой внешний вид в соответствие с дресс-кодом компании; закончив сборы, покрутилась перед ростовым зеркалом в прихожей:

«Ммм-дя. Простенько. Незаметненько. Амёбообразно. Так, наверное, и должен выглядеть офисный планктон».

Выйдя из подъезда, она, вдохнув полной грудью, окунулась в свежесть солнечного весеннего утра, наполненного ароматом молодой листвы, бойким чириканием и флюидами предвкушения:

«Предвкушения чего?... А ничего! Просто, ей почему-то стало легко и покойно на душе. Всё будет хорошо».

Она зашагала по свеженастеленному асфальту, переливающимся на солнце блестящими антрацитными змейками.

На подходе к вестибюлю метро утренняя свежесть улетучились, сменившись запахом отработанных газов, рыком моторов, нервным бибиканием и толкотнёй перед входом.

Три станции от Сокольников до Красных Ворот. Длиннющий: «Хм, как коридор во сне», подземный переход. Полубегущие толпы хмурых, не улыбающихся людей: «Хорошо, что без тележек». И вот она у подъезда серого здания, вытянувшегося многооконными фасадами по Садовому и Новой Басманной. Прямо над ней — конструктивистская башня-прямоугольник, увенчанная красным логотипом «РЖД» и квадратными часами. Взглянув на стрелки конструктивистских часов, Вика удовлетворённо хмыкнула:

«Даже быстрее, чем ожидала. От подъезда до подъезда

меньше двадцати минут. Неплохо»

Найдя её фамилию в списке, строгий, стриженный под боксёра дядька с оловянными глазами, пристально сверив фотографию в паспорте с оригиналом, выдал ей пластиковую карту.

— Прикладывайте сюда, проходите через турникет. До двадцати ноль-ноль вы должны предоставить на КПП копию завизированного заявления о приёме на работу и два цветных фото размера три на четыре для оформления постоянного пропуска.

Встав по стойке «Смирно», Вика приложила к голове ладонь, отдавая честь.

— Так точно! Разрешите выполнять?! — Оловянный даже не улыбнулся.

В закутке за турникетом её поджидала мама.

В центральном вестибюле народу — как в метро. Влившись в поток, они потекли к широкой мраморной лестнице и поднялись на второй этаж. Стало свободнее. И опять сон в руку — длинные, извилистые коридоры: двери, двери, двери.

— Пришли. Тебе сюда.

— Всё, мам, дальше сама. — Вика сделала ручкой.

— Ни пуха, ни пера.

— К чёрту.

Войдя в высокую, вытянутую пеналом залу, она произнесла. — Здравствуйте! — Два десятка пар глаз, оторвавшись от

мониторов, удивлённо уставились на неё.

— Новенькая?

Вика утвердительно кивнула.

— Вам к Игорю Арнольдовичу. — Несколько рук услужливо указало на кабинет из прозрачного стекла, выгороженный в дальнем торце залы.

Пройдя вдоль ряда столов, она оказалась у стеклянной двери, сразу за которой громоздился, буквой Т, начальственный стол.

— Тук-тук, разрешите? — Войдя, она изобразила на лице скромную деловую улыбку.

— По какому вопросу?

— Здравствуйте! Меня Виктория зовут. Я на работу в ваш отдел по...

— Занят. Освобожусь, вызову. Выйдите — сухим, безапелляционным тоном перебил, мельком взглянув на неё, сидевший вдалеке, посредине перекладины Т, высоколобый очкарик, и тут же уткнулся в экран монитора: «Да он лет на пять, если не на все семь, моложе меня!»

— А где можно подожд...

— Я сказал, выйдите.

Прикрыв дверь, она почувствовала, как кровь приливает к лицу. Заломило в затылке. Первая мысль: «Зайти обратно, сказать этому сопляку что-нибудь неприятное и уехать домой». — Она с трудом сдержала этот глупый ребяческий порыв.

Сидевшая за столом у окна женщина, встала и, переваливаясь гусыней, подошла к ней.

— Здравствуйте! Пойдёмте. У меня есть свободный стул, посидите. А Игорь Арнольдович вызовет. Как будет свободная минутка, обязательно вызовет. Руководитель наш человек занятой. Нас много, а он один. Да и к тому же, квартальный отчёт не за горами. Пойдёмте, милочка.

Взяв Вику за локоток и продолжая говорить что-то успокаивающее, гусыня провела её своему рабочему месту. Усадив на стул, — подала пластиковый стаканчик с водой.

— Попейте.

Когда румянец с лица немного спал, Вика представилась.

— Меня Вика зовут.

— Ммм, Виктория. Победа. Прекрасное имя. А меня зовут Нина Сергеевна. — Женщина заглянула Вике прямо в глаза и улыбнулась. В её открытой улыбке было что-то умиротворяющее и завораживающее. Рядом с верхней губой, на правой щеке темнела бусина родинки. На подбородке, розоватым зигзагом, шла тонкая ниточка шрамчика.

Через час с лишним очкарик, наконец, соизволил с ней пообщаться. Размашисто наложив на заявлении резолюцию «Зачислить», глядя сверху вниз (хотя он сидел, а Вика стояла), монотонно очертив круг служебных обязанностей, предоставил дальнейшее обустройство новой сотрудницы некой Светлане, пухлощёкой девице с формами, буйный натиск которых героически сдерживали, потрескивающие по

швам, корпоративного цвета, юбка и блуза.

Стол ей достался крайний, в самом углу. Заросший неформальной шевелюрой худосочный дылда в длинном свитере с оленями, болтающимся на нём, как на вешалке и отсутствующим взглядом аутиста, запустил компьютер. Исполнив нервными музыкальными пальцами соло на клавиатуре, — черкнул на квадратном листочке несколько комбинаций из цифр и букв.

— Готово. Пароли, сразу после входа, рекомендую поменять. Инструкция по смене в вордовском файле на рабочем столе.

Светлана оказалась простой и открытой болтушкой-хохотушкой. Через пару минут Вике уже казалось, что они знакомы сто лет. Не спрашивая разрешения, Света запросто перешла на «ты» и приступила к объяснениям.

— Наш отдел занимается логистикой грузоперевозок. В компании таких отделов — пруд-пруди: Питер, Казань, Воронеж — фиг догонишь, Ростов, Ёбург, Новосиб, Хабаровск, Владик, ещё где-то есть. Но мы круче всех.

— Почему?

— Регионщики видят картинку только в своей области, и только наш, головной отдел, отслеживает ситуацию по всей стране и имеет больше всех полномочий вносить изменения в грузопотоки. Недавно нам установили новую супер-пупер программу. Её, специально для нас, написали какие-то энштейны из вдрызг засекреченного научно-военного инсти-

тута. Я сейчас отвернусь, а ты заводи вот в это окошко пароль.... Завела? Ага, открылось.

На карте страны, появившейся на экране монитора, сетью извилистых серых змеек вились железнодорожные пути; точками и разноцветными кружками светились города, станции, депо, транспортные узлы и развязки. На змейках и кружках, нанизанные гроздьями, пульсировали крохотные огоньки.

— Вот видишь, всё просто. Каждый огонёк на карте это состав. Если яркий, значит активный, движется. Как в школьной задачке по математике, помнишь: Из пункта А, в пункт Б. Если бледный, — стоит или формируется, если совсем тусклый, — загорает в отстойнике. Жми на любой.

Наведя стрелку курсора на огонёк, пульсирующий в районе Уральских гор, Вика кликнула мышкой. Огонёк тут же начал расти, рассыпаясь на десятки разноцветных точек.

— Видишь, это вагоны.

— А почему они разного цвета?

— Цвета указывают типы вагонов: крытый, платформа, полувагон — а также на их специализацию: цистерна, зерновоз, рефрижератор и так далее. Вот здесь, в верхней строке — сведения о грузе; гражданский, военный, спецназначения, секретный...

— Секретный? Это какой?

Светлана прыснула.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Этого простым смертным знать не положено. Это только они, —

Светлана безотносительно ткнула указательным пальцем в потолок, — всё знают. Смотри дальше. Каждый вагон имеет свой уникальный номер. Забив его вот в это окошко, ты можешь узнать, откуда и куда следует, что везёт, кто отправитель и получатель, расчётную дату прибытия и массу другой информации. Но эти сведения не для всех. Каждый сотрудник имеет свой уровень доступа: от единицы до десяти. У тебя, на первых порах, будет...

— Единица.

— Ха-ха! Точно.

Подошло время обеда. Светлана повела новенькую столовую. Гранит и мрамор, циклопические люстры, лепнина с гербами, серпами и молотами произвели на Вику не меньшее впечатление, чем запредельно низкие, с копейками на конце, цены. Выбранные блюда: суп, салат, второе и компот из сухофруктов: «Что-то это ей напоминает... да! кормёжку в пионерском лагере! — всё оказалось свежим, нежирным и вкусным.

Тараторящая без умолку Светлана посвящала Вику в подробности служебной и личной жизни отдела.

— ... а этот парень, Денис, четвёртый стол от входа, невысокий такой... ну, увалень с животиком, это сын Ирины, крашеной блондинки из Калуги, которая справа от меня сидит. Об их родстве мало кто знает, потому что фамилии разные. Это мамочка сынулю в отдел устроила. У нас, скажу тебе по секрету, случайных людей нет... Почему фамилии разные?

Так у неё второй брак... Бывший муж? Объялся груш. Когда они перебрались их Калуги в Москву, продавал программное обеспечение к «Бухгалтерии 1С», поначалу даже фирму свою имел. Почему развелись? Москва, известно, деревня большая; пусти козла в огород. Быстренько молоденькую себе отхватил. А нынешний у неё что-то там по финансам; биржа, валюта, акции. В общем, скажу тебе, не бедствуют. В год по четыре раза за границу летают.

— Светлана, а наш руководитель... тоже не случайный человек?

— Что ты меня всё: «Светлана, да Светлана». Меня все Светой или Светкой зовут.

— Хорошо, Свет.

— Ты, правда, не знаешь кто такой Игорь Арнольдович?!

— Нет.

— Ха-ха-ха! Это же сын... — Светка, вытерев салфеткой лоснящиеся полные губы, шепнула Вике на ушко.

— И кто это?

— Ты совсем с Урала?! Арнольд Семёнович — член совета директоров РЖД; оч крутой дядька. Так что сама понимаешь, сынок с таким папашей по служебной лестнице, ступенька за ступенькой, карабкаться на будет. Воздушным шариком на самый верх полетит. Жених завидный. Лакомый кусочек.

— И как он тебе?

— Важный, как павлин. Работой заваливает. Вынь, да

положь в назначенный срок. Въедливый, как клещ. Любая ошибка, недочёт, даже крохотная оцепятка — непременно найдёт, отчитает и заставит переделывать. Половина отдела до десяти вечера ковыряется.

— Подожди, так ведь рабочий день до шести.

— Официально, да. А вообще, не нормирован. За такие оклады, премии и соцпакет, как у нас, все держатся. Ладно, пошли, а то ещё получим на орехи, за опоздание.

До конца рабочего дня Вика, под несмолкаемое Светкино щебетание, изучала программу. Занятие это, к её удивлению, оказалось ничуть не скучным; даже, напротив, весьма увлекательным.

Ближе к шести позвонила мама. Вика без особого энтузиазма взяла трубку.

— Да, норм.... Подписал... Представили... Ознакомили... Нет, езжай, я ещё часок посижу, поразбираюсь... Сказала — нет! Всё...всё давай!

Глава III

Разношёрстный и разновозрастный коллектив отдела принял новенькую вполне благожелательно. Несколько сабантуйчиков, устроенных по случаю Дней Рождения сотрудников прямо на офисных столах — понятное дело, после окончания рабочего дня и без спиртного — позволили Вике перезнакомиться практически со всеми. Исключение составили

лишь три тётушки весьма почтенного возраста, держащихся от всех особняком.

Работать с программой Вике нравилось. Каждый день что-то новенькое, интересное. А вот с Игорем Арнольдовичем отношения не задались. Шеф действительно так загрузил её, что выбраться из офиса раньше девяти никак не получалось. Светка была права; ещё тот клещ. Но и не это было самой большой проблемой.

Стремясь выполнить множество порученных заданий в срок, Вика под самый вечер так уставала, что теряла внимание. Это приводило к произвольным ошибкам и досадным ляпам. Шеф, конечно же, ошибки находил. Вызвав на ковёр, — монотонно и методично распекал нерадивую сотрудницу, призывая быть более сосредоточенной и дисциплинированной. Первый раз в жизни попав в подчинение, Вика принимала эти нотации на свой личный счёт; очень болезненно и близко к сердцу. Раз за разом, выходя из начальственного кабинета, — прокручивала в голове картинку, как надевает на его высокий лоб, с так рано наметившимися залысынами, мусорное ведро: «Бесит!» — Несмотря на стремительные успехи в освоении программы и Светкины похвалы, ни одного слова поощрения или поддержки от очкастого она не слышала.

Самой опытной сотрудницей в отделе слыла Нина Сергеевна, та, кто в первый рабочий день усадила Вику на стул и подала воды. Именно ей, со слов Светки имеющей самый

высокий уровень доступа и административного ресурса в рабочей программе, руководитель поручал самые ответственные задания и формирование самых важных отчётов. Вика неоднократно наблюдала, как зайдя в аквариум и обязательно плотно прикрыв за собой дверь, Нина Сергеевна, приняв почтительную позу; чуть наклонившись и подавшись вперёд, — сверлила начальство глазами, время от времени задавая короткие вопросы и утвердительно кивая в ответ.

Вике повысили уровень доступа до «двойки», потом — до «тройки». Светке, самой имевшей «тройку», стало нечему учить способную и ухватистую ученицу. Порученную работу Вика стала выполнять быстрее, ляпы делала реже, но всё же, делала, за что и призывалась очкастым змеем в ненавистный ей стеклянный серпентарий.

С некоторых пор Нина Сергеевна, с момента знакомства относившаяся к Вике нейтрально, начала уделять ей внимание. Пару раз за день, а потом и чаще, прихрамывающая гусыня подходила к её столу, интересуясь, нет ли у Вики рабочих вопросов. Вопросы, конечно, были, и много. Сев рядом, Нина Сергеевна, обстоятельно, по косточкам разбирала то или иное действие, делая выполнение порученных заданий не механическим, а осмысленным. Мало того, она потихоньку располагала Вику к себе, делаясь, кроме рабочего опыта, подробностями личной жизни, не претендуя, при этом, на взаимность. Понемногу Вика узнала о её семье. Любящий муж, Алексей Иванович, бывший управленец, пенсио-

нер. Двое взрослых детей, сын и дочь. Живут отдельно, обзавелись семьями. Трое внучков, щекастых бутузов, доставляющих бабушке несказанную радость. И великолепный Фёдор — самый умный кот во всём коттеджном посёлке, расположенном недалеко от Москвы, в котором Нина Сергеевна и её супруг проживают в небольшом таунхаузе.

Вика чувствовала, как деликатно и ненавязчиво Нина Сергеевна выказывает желание сделать их отношения более близкими. Это казалось ей несколько странным. Наверное из-за того, что никогда в жизни у неё не было старших подруг.

Нине Сергеевне было... было: «Сколько же ей?». — Стесняясь спросить, прикидывала Вика. С погрешностью в несколько лет угадывая возраст женщин младше себя, возраст женщин старше она определяла весьма приблизительно.

Всегда с иголочки одетая, отглаженная, ухоженная: стильная причёска, аккуратные стрелочки бровей, прекрасные зубы, неброский макияж и маникюр — Нина Сергеевна, по соображениям Вики, находилась в возрастном диапазоне от сорока пяти до... верхнюю границу она не могла определить: «Морщинки под глазами? — Так у неё у самой уже имеются.

Чуть выдающийся животик? — Так сейчас двадцатилетние девицы сплошь и рядом страдают ожирением. Либо наоборот, анарексички».

Единственное, что делало Нину Сергеевну немного ста-

ромодной, это массивные золотые серьги в комплекте с таким же массивным кольцом, обрамлѐнным овальным голубовато-зелѐным камнем. Так же она имела обыкновение носить на тонких ажурных цепочках гранѐные кулоны-стеклярус, размером чуть ли не с голубиное яйцо, приковывающие взгляды своим размером и переливчатым блеском.

Продолжением их сближения стало предложение Нины Сергеевны посидеть после окончания рабочей недели в ресторанчике, спрятавшегося в закутках подвала доходного дома на улице Забелина, построенного в начале 20 века на месте старинных Соляных складов.

Вторые бокалы лёгкого игристого вина пустели значительно быстрее первых. Тѐплые и округлые звуки джаза, вкупе с винными парами, обволакивали и расслабляли, располагая к неспешной и откровенной беседе.

— ...Извиняюсь за любопытство, а отчего вы хромаете?

— Ооо, старая история. Отдавили.

— Чем?

— Копытом.

— Как это?!

— Как-как. Раз! — и всё. Молоденькая была. Неопытная, неосторожная. А меня давно подмывает спросить, как же так случилось, ты, такая красotka, не замужем и без детишек?

— Да мне и так хорошо.

— И всё же?

— Замуж рано выскочила. Тогда только-только капита-

лизм начинался. Все бизнес делали. И мы с мужем крутились целыми днями. А дети? Думала, — успеется. А потом, как-то неожиданно, развелась.

— Что так? — Последовали подробности.

— И что, ни копейки от этого прохвоста не получила?

— Нет.

— И не судилась и не рядилась?

— Не-а.

— Гордая ты. Бесстрашная.

— Что есть, то есть.

— А после развода? Вернулась к родителям?

— К родителям? Что вы, ни за какие коврижки. Я ужом извивалась, что бы обрести свой угол и финансовую независимость. А когда всё образовалось, стала, наверное, немного эгоисткой. Всё для себя, любимой.

— Неужели больше не влюблялась?

— Почему? Есть человек...

— И что?

— Женат. Трое сыновей школьного и детсадовского возраста.

— В жизни всякое бывает.

— Нет, нет. Не хочу разбивать семью.

— Есть кто-нибудь ещё на примете?

— Не-а.

— Извини за нескромный вопрос, а как же личная жизнь?

— Вы секс имеете в виду? С этим — порядок. Он заезжа-

ет ко мне. Правда не так часто, на пару часов... Никогда не остаётся на ночь.

— Если так любишь, может тебе завести от него ребёнка?

— Предлагала. Без всяких, с его стороны, обязательств.

Он категорически против.

— Чем мотивирует?

— Мол, малыш станет для него центром притяжения и потянет из семьи.

— Да? Интересная позиция. Х-мм, а у тебя есть его фотография?

— Да, в телефоне.

— Можешь показать?

— Конечно. — Вика передала трубку Нине.

Мельком взглянув на фото, Нина Сергеевна перевела взгляд на Вику и, уставившись ей прямо в глаза, вдруг замерла, поблёскивая в полумраке гранями прозрачно-дымчатого кулона. В этот момент, совершенно неожиданно, Вике ужасно захотелось в туалет.

— Ой, я сейчас! — Позывы были настолько сильны, что она ринулась в нужном направлении чуть ли не вприпрыжку.

Когда она вернулась, мобильный лежал на столе, рядом с её бокалом.

— Ну, и как он вам?

— Симпатичный. Всё при нём.

После посиделок затянувшихся за полночь Вика стала называть Нину Сергеевну

просто — Нина, хотя и обращалась к ней на «вы».

К свиданию с любимым, назначенному на вторник, Вика начала готовиться загодя. Ей предстояло провести с Володей семь с половиной часов; с двух дня, до половины десятого вечера. Целых семь с половиной часов! Ни одна минута не должна пропасть понапрасну! Изучив неделей раньше афиши театров, она выбрала «Юнону и Авось» в Ленкоме. Начало в 19 часов. Продолжительность как раз 2 часа с копейками. Дома ему надо быть, как штык, к десяти, как раз хватит времени добраться. Ну, а до спектакля Володя весь в её распоряжении.

Закупив в воскресенье продукты, Вика весь вечер понедельника посвятила готовке; взбила нежнейший печёночный паштет-мусс, приготовила его любимый салат мимозу, испекла его любимые пирожки с капустой, запекла утку с яблоками. Закончив с готовкой, — застелила кухонный столик нарядной цветастой скатертью; расстелив салфетки, сервировала на две персоны тарелками, приборами, фужерами и бокалами.

Уйти с работы в столь ранний час Вике помогла Нина. Сделав пару звонков, она сходила к Игорю Арнольдовичу и получила его разрешение откомандировать новую сотрудницу до конца рабочего дня в архив с целью сделать несколько статистических выписок из бумажных документов, ещё не переведённых в электронный вид.

Прибежав домой, Вика взглянула на часы: «Ой» — и ри-

нулась на кухню наводить последние приготовления; закончив, вышла на финишную прямую, переместившись в санузел. Приняв душ, она не стала наносить макияж, и уж тем более, пользоваться парфюмом, — прекрасно помнит, на чём прокололся её бывший муж — а только высушила феном и уложила волосы. Надев трусики и застегнув бюстгалтер, — облачилась в сарафан с васильками. Подумав, — расстегнула и сняла бюстгалтер; постояв в задумчивости у зеркала, сняла и трусики: «Зачем тратить драгоценное время?»

Звонок раздался в три минуты третьего. Получив три белые розы и коробочку конфет, Вика прильнула к любимому. После затяжного поцелуя Володя взял её на руки, и на ходу, нога об ногу, снимая ботинки, отнёс её на кровать; моментально раздевшись, одним махом стянул с неё сарафан.

Через полчаса они, облачившись после душа в махровые халаты, уже сидели на кухне за сервированным столом. Вика раскладывала по тарелкам закуски и горячее, стараясь подкладывать любимому самые лакомые кусочки. Володя подливал в бокалы и фужеры напитки. Неторопливый разговор шёл обо всём, меняя направление, перескакивая с темы на тему. Через какое-то время Володя вновь увлёк Вику в спальню.

Взглянув на часы, Вика с удивлением обнаружила, что через десять, максимум пятнадцать минут им надо буквально выбегать на спектакль: «Как же незаметно время пролетело!»

У Володи зазвонил мобильный. Он уединился в санузле. Вика немного расстроилась. «Мог бы и отключиться от мира не несколько часов. Либо хотя бы перевёл звонки на беззвучный режим. Кто-то, непонятно кто, крадёт у неё драгоценные минуты свидания».

Вышедший из санузла Володя имел подозрительно иной, сильно хмурой вид.

— Что случилось?

— Да... ты понимаешь, позвонила жена.

— Что-то серьёзное?

— Ну... в общем, у неё на работе аврал, конец квартала.

— И?

— Ну... в общем, сказала, что не успевает Санька с тренировки забрать. Попросила меня.

— Подожди, ты же сказал, что железно договорился до десяти вечера помогать Алику Борисову переезжать в новый гараж?

— Да, Алик обещал прикрыть, но... — Володино лицо приняло ещё более унылое выражение. — Даже не знаю, как разрулить.

Вика решила; выдохнув, улыбнулась, как ни в чём не бывало.

— Ну, если сына некому забрать с тренировки, беги папка. В театр в следующий раз сходим.

Лицо Володи вытянулось. Он никак не ожидал такого лёгкого и благоприятного исхода.

— И ты даже не обидишься на меня?

— Абсолютно. Ты же женатый мужчина. Глава семьи. У тебя трое детей. Всякое может случиться.

— Спасибо, малыш! Дай тебя поцелую. В следующий раз обещаю, что такого больше не повторится.

Позволив любимому себя поцеловать, Вика слегка оттолкнула его.

— Всё, тебе пора. Беги. А то опоздаешь.

Суетливо одевшись и обувшись, Володя, уже стоя у двери, хотел притянуть Вику к себе для заключительного поцелуя, но она увернулась. — В следующий раз. — И сделала ручкой — Пока-пока!

Когда дверь закрылась, Вика, пройдя в комнату, шумно завалилась на любимое кресло; включив Аструд Жильберту, погрузилась в дремотную меланхолию.

Глава IV

С мамой они виделись нечасто. Вика настоятельно попросила её не заходить к ней в отдел, а размеры здания и количество сотрудников давали мизерные шансы пересечься без причины. Предварительно созвонившись, они встречались после окончания рабочего дня на крыльце проходной и вместе доходили до метро. Этот путь занимал несколько минут. Такое время, отведённое для общения, Вику вполне устраивало. Об эпизодах, связанных с личной жизнью, а

также с несправедливо строгим, по её мнению, обращением руководителя, она конечно не распространялась. О коллективе отзывалась хорошо, упомянув в частности, что с одной из сотрудниц, несколько её старше, у неё складываются отношения более близкие, чем рабочие.

— Как её зовут?

— Нина. Нина Сергеевна.

— И сколько же ей лет?

— Не знаю. В паспорт не заглядывала.

В пятницу Вике позвонил любимый.

— Приветик! Ещё раз извини, что так получилось.

— Привет! Как давно я тебя не слышала. Целых три дня!.

Соску-училась. Когда на следующей неделе тебя ждать?

— Слушай, у меня экстренная новость.

— Выкладывай.

— Меня, неожиданно-негаданно, компания в Краснодар отправляет.

— Как, в Краснодар? Зачем?

— Наши там новый офис открывают.

— Аа... ты не можешь как-нибудь откосить?

— Да пробовал. Отбрыкивался руками и ногами.

— И что?

— Ничего. Руководство непреклонно. Как будто на мне свет клином сошёлся.

— На ту же должность?

— Нет, с повышением.

— Аа-а. Поздравляю. И на сколько?

— Минимум на год.

— Ты едешь туда один?

— Нет, с семьёй. Компания квартиру уже подыскала и даже аванс внесла. На сборы дали неделю.

— Мы встретимся до твоего отъезда?

— Постараюсь. Но, откровенно говоря, дел — завал.

— Приезжай... пожалуйста.

Всю неделю Вика ждала, готовая по звонку в любой момент сорваться с работы: «Ну, хоть разок ещё очутиться в его объятиях. Хоть разок почувствовать солоноватый вкус его упругих пылающих губ».

Но до отъезда любимый так и не смог выкроить время; отписался, пообещав через пару месяцев, как устроится, под каким-нибудь благовидным предлогом сбежать к ней в Москву на денёк-другой.

На офисных окнах появились снежинки; настоящие снаружи, бумажные внутри. На свободном столе заблестела разноцветными огоньками и однотипными шариками ёлочка. Сотрудникам объявили место и дату новогоднего корпоратива.

Нанеся визиты к парикмахерше и маникюрше, Вика облачилась в золотистое платье с кокетливым декольте, спадающее немного ниже колен переливчатыми искрящимися складками. В её гардеробе, воспоминанием о когда-то процветающем бизнесе, висело несколько изящных итальянских

вещиц.

Покрутившись перед зеркалом, она осталась не сильно довольна своим отражением: «Ещё месяц диеты. Минимум!»

Круглые, сервированные на двенадцать персон, столы полуколышком обступали сцену, устланную по краю ворохами ватного снега. На синем занавесе, отороченном мишурой, красовался логотип компании. Логотип доминировал и на необъятных просторах зала: гигантский, составленный из красных шариков — занимал почти всю стену, переливался огнями гирлянд, лез в глаза со скатертей и салфеток, развешанных флажков и золотых шаров, свисающих с потолка.

Рассаживались строго в соответствии табличкам с фамилиями и инициалами, расставленным около каждого посадочного места.

Волею случая, Вика оказалась сидящей рядом с Ниной, что очень её обрадовало. Но радость была недолгой. Через несколько минут у стола нарисовался, при полном параде, Игорь Арнольдович.

«А костюмчик — шик. Сидит, как влитой. В костюмах-то она разбирается — больших денег стоит». — Зажав кулачки, Вика загадала, что бы место, предназначенное руководителю, оказалось не за этим, а за любым другим столом, желательно подальше, и, непроизвольно поведя головой влево, мысленно, три раза плюнула через плечо. Но, будто в насмешку к её заклинаниям, Игорь Арнольдович расположился с другой стороны стола, прямо напротив неё, выставив как

на показ холёную кисть с узким запястьем, украшенным серебристой блямбой безобразно дорогих часов. Вика, в сердцах, чертыхнулась: «Твою дивизию! вот невезуха!»

Началась череда бесконечно нудных поздравлений. В какой-то момент Вика стала ощущать непонятный дискомфорт, списав его поначалу на усталость и раздражение от однообразных речей. Но потом поняла, точнее даже не поняла, а пятой точкой почувствовала причину своего неуютного состояния. Взгляд, его взгляд, безотрывно скользил по локонам её волос, полуобнажённым плечам и треугольнику декольте.

Наконец, на сцену вышла легендарная, любимая всей страной, рок-группа...

Заключительные аккорды утонули в шквале аплодисментов. Постепенно, овации стихли, уступив место бойкому стуку ложек и вилок, треску пробок, пенистому шипению и звону бокалов.

Начались танцы. Для разгонки диджей начал с быстрых, самых топовых композиций. А когда публика немного втянулась, — стал чередовать их с медленными.

Кто-то, подойдя сзади, тронул Вику за плечо.

— Разрешите пригласить?

Вздрогнув, она обернулась. Над ней возвышался Игорь Арнольдович: «Отказаться? Как-то неприличненько». — Она встала и подала руку.

Партнёр плохо чувствовал ритм, вёл не ахти и даже разок

пребольно наступил ей на ногу. Зато под самый конец сделал ей первый за всё время комплимент. Даже два, хотя не без доли сарказма.

— Аа, это платье...вам идёт. Вы хорошо танцуете. Не ожидал.

Подведя разбуряившуюся партнёршу к столу, кавалер ретировался. Не успела Вика перевести дух, как откуда-то сбоку к ней подрулила, держа два наполненных бокала, Нина.

— В Новом году, в первую очередь, желаю тебе, моя дорогая, успехов на служебном поприще! Чувствую в тебе большой потенциал.

— Ой, Ниночка, большое спасибо! И вам, и вашим близким — счастья, здоровья и благополучия!

Они поставили бокалы на край стола. Вдруг Нина, всплеснув руками, восхищённо ахнула, указывая Вике куда-то за спину.

— Какая красота!

— Где?! — Вика резко обернулась.

— Да, вон! Какая красивая гирлянда над входом! — Раздался хлопок.

— Ой! — В порыве, Вика наклонилась, что бы собрать осколки. Один из них тут же впился ей в палец. — Ай! — Она тут же отдёргнула руку.

— Куда?! Сейчас всё уберут. На, держи! — В ту же секунду в руках у Нины, будто из воздуха, появился белоснежный

носовой платок...

Кровь быстро остановилась. В руках у Вики остался платок с небольшим красным пятнышком. Нина проворно ухватилась за его уголок.

— Нин, неудобно. Я вам чистый верну.

Краешки Нининых губ поползли вверх

— Брось ты. Какая ерунда. — А пальцы, мелко перебирая, поползли, цепко, одну за другой, прихватывая складочки ткани. Вике ничего не осталось делать, как разжав ладонь, уступить.

Пока уборщица заметала в совок крупные части разбитого бокала и миниатюрным пылесосом добирала стеклянную мелочь, Нина куда-то запропастилась. К Вике подрулила мама и увлекла её в холл, где они наскоро поздравили друг друга с наступающим.

Вернувшись за стол и обнаружив сидящую на своём месте Нину, Вика не могла не обратить внимание на выражение её счастливого, сияющего, как начищенная монета, лица.

— Что это вы такая довольная?

— Довольная? А откуда ты знаешь?

— Я неплохая физиономистка.

— Хм... угадала. — Что бы не перекрикивать грохот музыки, Нина притянула Викину голову к своей. — Только что узнала! По итогам года мне выписали премию! Знаешь сколько?!...

— ... Ничего себе! Поздравляю!

— После Нового Года мы с тобой обязательно премию обмеем. И ещё... — Нина выдержала паузу и прильнула губами к её уху. — И ещё. Ты мне очень нравишься. Ну, в смысле, как человек. Будем подругами?

— С удовольствием!

— Тогда знай. Отныне, в любой момент можешь обращаться за советом и помощью. И на службе я тебя в обиду никому не дам.

— Спасибо огромное! Если честно, у меня никогда не было старшей подруги.

— Возраст дружбе не помеха.

— Точно. Может вы, мудрая и опытная, наставите на путь истинный непутёвую бесхозную девицу! — рассмеялась, немного дурачась, Вика.

Выражение лица старшей подруги сразу стало серьёзным.

— Почему бы и нет?

Расходились далеко за полночь. Метро уже давно не работало. Распрощавшись со всеми, Вика взяла такси.

Сидя на переднем сиденье в жарком, нагретом жужжащей печкой, салоне, она заморожено смотрела в окна автомобиля. Шёл снег. Крупные хлопья, ритмично сдвигаемые с лобового стекла дворниками, укутывали уснувший город пушистым белым пледом:

«Как же необычно, как по-новогоднему волшебнно, мчаться с ветерком, будто в санях, запряжённых тройкой лошадей, по пустынному Садовому, неожиданно превратившемуся в

раздольное русское поле. Как не похожа на себя вечно серая, агрессивная, нервно библикающая в пробках Москва... Вот, поворот налево... Здесь, на светофоре, — ещё раз налево... скоро она будет дома».

Глава V

После боя курантов прошло несколько дней. Навестив своих бывших компаньонов, Алину с Виталиком, съездив, с одной ночёвкой, к Владке, в очередной раз беременной от очередного мужа, Вика сидела дома. В который раз пересматривала одни и те же фильмы, «спасала» наготовленные салаты и разносолы и откровенно скучала. Раздался звонок: «Интересно, кто бы это мог быть?»

Звонила Нина.

— Привет, моя дорогая! Ну, с Новым Годом, с новым счастьем! Надеюсь, ты помнишь о моём приглашении?

— Ой! Честно говоря, подзыбыла.

— Ну, ты даешь! Размер премии позволяет не только обмыть её в дорогом ресторане, но и выгулять тебя в Большой театр. Уверена, классический балет «Щелкунчик» тебе понравится.

— Ой, Ниночка, Большой театр — это так дорого! Мне даже неудобно.

— Не дороже денег. Так ты пойдёшь?

— Да-да, конечно. А когда?

— Завтра, в девятнадцать ноль-ноль. Встречаемся на входе за полчаса до начала. Не забудь взять паспорт. А то не пустят.

Под входным козырьком, между величественных белых колонн, Нина представила Вике своего мужа:

— Алексей Иванович.

Галантный старик в полосатой пиджачной тройке: «Ох! Материальчик-то — привет из СССР. И фасон такой уже сто лет никто не носит» — галантно поцеловал Вике ручку: «Как архаично. Но как приятно». — Попросив Вику называть его просто Алексей, без всяких там отчеств.

Балет, сопровождаемый музыкой гениального Чайковского, был прекрасен. В антракте они пили шампанское. Занимая дам, Алексей шутил, балагурил и рассказывал милые бородатые анекдоты: «А гуссару-то никак не меньше восьмидесяти» — вертелось в Викиной голове.

После спектакля они, перейдя Театральную площадь, посидели в ресторане отеля «Метрополь». Интерьеры заведения; высоченный зал с витражным куполом, колонны, современные бронзовые бра, позолоченные зеркала, мраморный фонтан в центре — произвели впечатление на видавшую виды Вику. Как она не пыталась внести хоть толику оплаты за кругленький счёт, за всё заплатила Нина.

Ещё через пару дней старшая подруга пригласила Вику на концерт знаменитого эстрадного певца.

Все дни, вплоть до окончания новогодних каникул, они

провели втроём. Сходили на премьеру кинофильма, в Третьяковку, в старый цирк на Цветном бульваре. На этом программа не заканчивалась; вечера они коротали в уютных барах и ресторанчиках центра. Не очень любимые Викой затяжные новогодние каникулы пролетели, как один день.

Сразу по выходу на работу, Вике открыли следующий уровень доступа. Нина всерьёз взяла над ней шефство. В феврале начался новый этап обучения. Ей стали доверять, на первых порах в присутствии куратора, ответственные звонки с распоряжениями относительно формирования составов и отправки, либо задержки тех или иных грузов.

Игорь Арнольдович после корпоратива оставался с ней строг, но всё же заметно смягчился: «Или она привыкла?» — Нагоняи, если и случались, воспринимались ею более конструктивно; уже не как личные обиды и стремление руководителя уязвить её самолюбие, а как текущие рабочие моменты.

Из Краснодара звонков не поступало. Стас из соседнего отдела, начавший было ухлёстывать за ней, сразу получил от ворот поворот. Совершенно не в её вкусе.

Насчёт Саши-боцмана, — рослого русого бородача все так звали, но никто не мог объяснить, почему — несколько раз уже подкатывающего с предложениями сходить в кино или ещё куда-нибудь, Вика раздумывала. Она сама не понимала, но что-то с Боцманом было не так: «Или у неё планка задрана?».

Как-то Светка (язык без костей) разболтала, что в подвале их здания находится музей, посвящённый истории российских железных дорог. Построенное ещё при царе Горохе здание передали переехавшему из Питера, Наркомату путей сообщения, НКПС, больше ста лет назад. Потом наркомат реорганизовали в Министерство путей сообщения, МПС, а потом — в РЖД.

Вика загорелась, предложив Светке и Нине составить ей компанию. Светка заявила, что выгоревшие знамёна и чёрно-рыжие фотографии её мало интересуют. Нина тоже отказалась, ссылаясь на неотложные домашние дела.

Перспектива посетить подвал в одиночку Вику никоим образом не остановила. Даже наоборот, ещё больше раззадорила — это же целое приключение! Вызвав местонахождение музея, она, покончив с работой пораньше, спустилась в разветвлённую сеть подвальных коридоров. Не смотря на устные инструкции и нарисованную на листе схему с крестиком, путь к цели оказался тернистым. Вход каким-то таинственным образом не находился. Спросить было не у кого. В воздухе совершенно безлюдных коридоров витали . Моноotonно гудели шкафы трансформаторов. В трубах под потолком шуршала вода. В воздуховодах подвывал ветер. Потратив множество усилий, она всё же не включила заднюю, и через полчаса блужданий оказалась около массивной филёчатой двери с табличкой «Музей».

Рядом с испещрённой трещинками дверью, за столиком,

свесив головку, дремала старушка в малиновом пиджачке. Лёгкие, как лебяжий пух, волосы, подрагивали в такт её дыханию.

— Тук-тук! — плечики шелохнулись. Головка медленно приподнялась.

— Здравствуйте! Наконец-то я вас нашла! Я в музей.

— Добрый вечер! — Надев очки в доисторической роговой оправе, старушка поднесла к толстым линзам сухонькое запястье с доисторическими часиками.

— У вас всего тридцать минут для осмотра экспозиции.

— Мне хватит. Успею!

Выдвинув верхний ящик стола, хранительница музея достала связку ключей; потихонечку, придерживаясь одной ладонью за стол, встала, оказавшись худенькой и невесомой былинкой, росточком сильно ниже Викиного плеча, и поплыла, пошаркивая, к двери.

— А что, я единственная?

— ...Что?

— Я говорю, я единственная?!

Утвердительно кивнув головкой, старушка принялась перебирать позвякивающие ключи.

— До перестройки народ валом валил. Целые делегации. Пионеры, комсомольцы. Железнодорожники со всей страны, передовики производства. Даже иностранцы. Партиями приходилось запускать. А сейчас, в день по чайной ложке. А то и вовсе никого.

Отыскав искомый ключ, хранительница стала водить им по двери, пытаясь попасть в замочную скважину.

— А вы здесь давно работаете?

— В наркомате-то? С первого, ноль третьего, тридцать седьмого.

Вика вытаращила глаза. — Подождите... — С устным счётом у неё со школьных времён были проблемы. — Получается... шесть на ум пошло... больше шестидесяти ...нет, семидесяти лет?!

Попавший наконец в скважину ключ, издав сухой щелчок, провернулся. Высокая дверная махина, сонно скрипя, поползла вовнутрь. Пахнуло нагретым застоявшимся воздухом, пропитанным тонким запахом пыли и высохшего паркета. Обернувшись, старушка мягко улыбнулась.

— Скоро семьдесят один годок стукнет, как я здесь. Как сейчас помню тот, первый день. С самого утра валил густой липкий снег. На тротуарах сплошное месиво. От вестибюля метро до проходной добежала, а уж на шапочке тюрбан, на плечах пальто — погоны. Боты вымокли. На КПП вахтёр сжалился, на батарею пристроил. А после обеда распогодилось. Небо голубое-голубое. Солнышко. Меня сюда подружка привела, Дамира. Мы с ней в школе рабочей молодёжи учились.

— Дамира? Интересное имя. Татарка или узбечка?

— Русская. Из Рязанской губернии. Её папа-коммунист так назвал. Дамира — «Даёшь мировую революцию». А в

музее я с первого, ноль первого, шестьдесят девятого.

Проходите, пожалуйста. Я сейчас включу свет.

Вдоль стен громоздились дубовые витрины, заполненные экспонатами. Толстые стёкла, будто часовые, охраняли прошлое время; давно никому не нужные кубки, медали и грамоты; разрозненные листы серой низкокачественной бумаги с блёклыми, плохо пропечатанными буквами и фиолетовыми печатями; пожелтевшие газеты. В свободных настенных промежутках таились тяжёловесные бордовые вымпела, знамёна, расшитые золотыми гербами и звёздами, большие картины в монументальных золочёных рамах. Сюжеты полотен не отличались разнообразием. Фоном служили уходящие в необозримую даль полей железнодорожные пути, заставленные составами. На передних планах — чёрные паровозы, белоколонные вокзалы, напоминающие древнегреческие храмы, море кумачовых флагов и толпы ликующих белозубых людей, восторженно аплодирующих ораторам, возвышающимся над толпой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.